

«ИЗВИНИТЕ, НА ИНТЕРВЬЮ НЕТ ВРЕМЕНИ»

Нет, не часто случается, чтобы писатель, всемирно известный, отдавший литературе более полувека, переведенный практически на все языки, вдруг рискнул своей устоявшейся репутацией, обратившись на склонах к новым для себя сюжетам и жанрам. Слава Альберто Моравиа, начиная с 1929 года, когда вышел первый его роман «Равнодушные», жила на протяжении десятилетий — сурово реалистическом складе его прозы, на неизменной «кузавомости» выписанных им характеров и ситуаций. Вспомните «Римские рассказы», «Чочару», «Скуку», да любую из его книг — они неизменно подтверждали: Моравиа — последовательный реалист, быть может, один из самых последовательных во всей современной европейской литературе.

Суровым реализмом отмечены и публицистические выступления писателя. Их было немало, но особенно широкий международный резонанс вызвали опубликованные в прошлом году письмо «Атомная бомба и мы» (см. «ЛГ», № 2, 1983 г.) и серия последующих статей против ядерной угрозы, нависшей над человечеством. И опять-таки здесь не было ничего удивительного: сама природа творчества Моравиа приучила его трезво оценивать реальность мира, в котором мы живем, и естественно привела в ряды тех, кто не хочет допустить новой ядерной бойни.

И вдруг — сказка.

Вернее, целых 24 сказки-притчи, сказки — басни, объединенные в книгу под названием «Истории о временах доисторических». Итальянская печать откликнулась на «Истории» потоком рецензий, который можно без всякой натяжки назвать изумленно-восторженным. Приведем, к примеру, отзыв еженедельника «Панорама»: «Придумывать сказки так, чтобы они заинтересовали и детей, и взрослых, — дело трудное, почти безнадежное, и в литературе подобных примеров совсем немного («Алиса», «Гулливер», «Пинокио»)». И хотя издательство «Бомпани», представляя книгу, рекомендовало ее и детям, и взрослым, детям она, на наш взгляд, не подходит: они не так уж просты, эти «зоологические фантазии», и беллетрист адресует их своей постоянной взрослой аудитории. Чувствуется, что Моравиа сам увлекся возможностью, какие открыл перед ним новый для него жанр, и все же он остался верен своей творческой манере: опьяняющий полет фантазии он ставит под строгий контроль разума, ибо в каждой сказке есть мораль, возлагающая на автора ответственность перед читателями и заставляющая его тщательно взвешивать каждое слово.

Недавно Альберто Моравиа побывал в Москве в качестве гостя XIII Международного кинофестиваля. Программа его пребывания в нашей столице (а затем в Ленинграде, Новосибирске, Иркутске) была очень

насыщенной, и он смог уделить нашему корреспонденту лишь несколько минут. В свои 75 лет писатель удивительно бодр, подтянут, элегантен — положительно, когда взглядишь в его пронзительно-голубые глаза под мохнатыми бровями, аерий, что Моравиа еще преподнесет поклонникам своего таланта не один, а множество сюрпризов.

— Извините, что не могу дать вам интервью, — заявил он, — на это просто нет времени. Какую сказку я рекомендовал бы для публикации? Выбирайте сами, мне дорога каждая. Ну что ж, пусть будет сказка о морже, а я напишу к ней два слова в порядке вступления. И даже, пожалуй, кое-что нарисую...

Вот что написал и нарисовал Альберто Моравиа 21 июля в гостинице «Россия»:

La favola del tricheco è basata sulla contraria tra la parola pensata e la parola parlata. Normalmente, come tutti sanno, si pensa una cosa e si ne dice un'altra

В этой сказке я обращаю внимание читателя на контраст между словом «подуманным» и словом, произнесенным вслух. Ведь известно, что люди нередко думают одно, а говорят другое... Где же все-таки душе — на «правдивом» полюсе или на «лицемерном» экваторе? Моравиа никому не навязывает: пусть каждый выбирает, что ему по душе.

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ
НОВОЙ КНИГИ:

Альберто МОРАВИА

НАДО вам сказать, что миллион лет тому назад на полюсе было куда холоднее, чем теперь, температура там запросто доходила до миллиарда градусов. При таком холоде замерзало все — хотите верить, хотите нет, — даже мысли. Стоило кому-нибудь подумать, например: «Какой собачий холод!», как над его головой тут же появлялось этакое облачко пара, внутри которого длинненькие, ледяные, похожие на сосульки с натеками буквы складывались в слова: «Какой собачий холод!»

Из-за того, что мысли обледеневали и, значит, становились видимыми, на полюсе никто, естественно, не осмеливался вообще о чем-нибудь думать. Все боялись, как бы другие не прочитали их мысли.

Вот так и получилось, что медведи, пингины, тюлени, собаки, эскимосы — в общем, все — совершенно ни о чем не думали. И был полюс странной тупостью. Но глупость вовсе не по причине полной неспособности думать, а из-за всеобщей вежливости и душевной чуткости.

В один прекрасный век (в те времена

— Еще как, — отвечал тот.
— А что ты думаешь?
— Много чего и все про тебя.
— Что же именно?
— Ну, этого я тебе не скажу, а то еще обидишься.

М. Оржу стало не по себе. На полюсе, как мы уже говорили, никто ни о ком ничего не думал. А вот теперь какой-то У. Горь, воспользовавшись тем, что в Тро Пиках мысли остаются невидимыми, думал о нем бог знает что. Слетник, дурак, лицемер! Тут М. Орж вдруг заметил, что сам думает об У. Горь, и думает очень плохо; ясно, что У. Горь, со своей стороны, так же плохо думает и о нем. Впрочем, то же самое происходило у него в Тро Пиках с каждым, кого он встречал на своем пути. Все рассыпалось перед М. Оржом в любезностях. «Добро пожаловать к нам, да какой ты красивый, какая у тебя умная морда, какие выразительные глаза, какие роскошные усы» и т. д. и т. п. Но М. Орж был уверен, даже больше, чем уверен, что, оказавшись они на полюсе, он смог бы прочитать в воздухе ледяные слова: «Только его здесь и не хватало, этого урода. Ну что за хара, что за пороссячий глазки, что за обвислые усы» и т. д. и т. п. Уверенность, что в Тро Пиках все думают прямо противоположное тому, что говорят, отравляла М. Оржу жизнь на новом месте.

ся в Тро Пиках и перенял местные обычаи. Конечно, это был не тот честный и открытый мир, в котором он жил на полюсе, зато возможность думать что угодно без всякого контроля со стороны позволила ему сделать неожиданные успехи в общем развитии. Думал-думал М. Орж и додумался, например, до мыслей очень высоких, прямо-таки философских — ну, например, таких: кто мы? Откуда мы взяли? Каково наше предназначение? Почему мы живем? К чему приходим?

В общем, он задавал себе все те вопросы, над которыми задумываются, когда живут не для того, чтобы есть, а едят для того, чтобы жить. Ответы же были таковы: мы все М. Оржи; взяли мы с полюса; наше предназначение — есть и бы; живем мы потому, что нас создало по образу и подобию своему некое высшее существо, этаким гигантским М. Орж; в конце концов мы покинем край Тро Пиках, где все такие лживые и лицемерные, и вернемся в места, где царит честность и правдивость, то есть на полюс.

Тут-то и наступил конец путешествию М. Оржа в Тро Пики. В один прекрасный день, когда ему надоело думать одно, а говорить другое, М. Орж поплыл к полюсу. «Да», — думал он, — какое блаженство ни о чем больше не думать, полежа себе бездумно, без всяких этих мыслей еще какой-нибудь миллиончик лет!»

Как же он заблудился! Добравшись до полюса и расположившись на своей старой льдине, М. Орж заметил, что дурная привычка оказалась прилипчивой, и как он ни старался, а не думать не мог. При этом мысли его, конечно, тотчас же

начинали реять у него над головой, складываясь в слова из сверкающих и прозрачных ледяных букв. Медведи, пингины, тюлени, рыбы и рыбешки при виде этих замерзших мыслей, обгоняя друг друга, бежали прочь, подальше от М. Оржа. Ну да, потому что думать в те времена на полюсе считалось по меньшей мере неприличным — все равно, как у нас разглагольствовать нагишом по улице.

А бедный М. Орж, заметив, что прежние друзья теперь избегают его, не мог не думать о них все хуже и хуже. И эти его дурные мысли сразу же превращались в облачка, полные замерзших оскорблений и ругательств, отчего пропасть между М. Оржом и остальным населением полюса все углублялась, становясь непреодолимой. Вскоре М. Орж остался на своей льдине один, совсем один. Навсегда.

С того времени температура на полюсе повысилась настолько, что мысли там больше не замерзают, и теперь их уже не увидишь. Но несмотря на это, М. Орж, привыкший жить один, ни с кем больше не желает иметь дела. Лежит в одиночестве на своей льдине и думает. О чем? С тоской думает он о временах, когда никто не думал, потому что каждый мог прочитать твои мысли.

Славные, бездумные были времена. Только холодные!

Перевела с итальянского Э. ДВИН

КОГДА МЫСЛИ ЗАМЕРЗАЛИ В ВОЗДУХЕ

Однажды он увидел, как посреди Гвианского залива под жарким, раскаленным до полутора миллиардов градусов солнцем какой-то миллионный тип по имени Аф Риканец, сидя в лодке с женой и детьми, пел песенку для У. Горь, а тот слушал, разинув рот от восторга:

Угорь, угорь, миленький,
до чего ты жирненький!
Жирный и игривый,
угорь наш красивый!

У. Горь, очарованный столь любезными словами, позабыл, должно быть, о том, что в Тро Пиках говорят одно, а думают другое, и приблизился к лодке. Тогда Аф Риканец ловко забросил невод, и в мгновение ока бедный У. Горь был пойман, разделан, обвален в сухарях, поджарен и проглочен. И все это на глазах у потрясенного М. Оржа.

Уплывав, он думал: «Вот ужас! Какие же мы, обитатели полюса, молодцы: никогда ни о чем не думаем, а если и думаем, то каждый может узнать, о чем мыслит».

И все же, в какой-то мере из-за приятной новизны мест и обычаев, а возможно, из-за лени, М. Орж не спешил вернуться на полюс. К тому же — с этим нельзя не согласиться — очень уж была соблазнительной сама возможность думать так, чтобы другие не могли прочесть твоих мыслей, а главное — думать совершенно противоположное тому, что ты говоришь и делаешь. Вот М. Орж и остался

одним из немногих, кто для нас один день некий М. Орж лежал себе на льдине и наслаждался холодом; лежал он неподвижно, жмурясь от удовольствия, и в мозгу у него не было ни единой мысли, кроме коротенького «м-н-да». И это составленное из ледяных букв «м-н-да» каждый мог прочесть у него над головой. Поди догадайся, что именно он хотел выразить своим «м-н-да».

Вдруг из воды высунулся У. Горь — такой веселый, вертлявый — и закричал:

— Эй, М. Орж, послушай-ка!

М. Орж пробормотал:

— Чего тебе, У. Горь?

А тот в ответ:

— Ты только послушай, что со мной приключилось во время последнего путешествия. Представляешь, я побывал в краю, который называется Тро Пики. А жара там, ну, скажу тебе, и жара!.. И знаешь, в Тро Пиках эти мысли не замерзают.

— Не может быть!

— Истинная правда. Вот, например, кто-то посмотрит на тебя и подумает: «До чего же у М. Оржа толстый зад!», а ты этой мысли не узнаешь, потому что из-за жары мысли там не замерзают и, понятное дело, остаются невидимыми.

— Это кто же считает, что у меня толстый зад? — проворчал М. Орж обиженным.

— Да я просто так, для примера. Послушай, почему бы нам не поспотеть с полюса? Здесь же невозможно ни о чем подумать, чтобы об этом сразу же не узнали все. Что, если нам отправиться в край Тро Пиков? Ты и представи себе не можешь, как это приятно — думать совершенно свободно и ничего не бояться! Я просто объедался мыслями в этих самых Тро Пиках.

— О чем же ты думаешь?

— Да как тебе сказать... О многом, об очень-очень многом!

— Ну, например?

— Да о чем хочешь. К примеру: солнце зеленое. Или: дважды два — пять.

— Но солнце не зеленое! И дважды два будет четыре.

— Ну да, да, конечно. В этом-то вся прелесть: можешь думать, что твой душе угодно, и никто об этом не узнает.

В общем, У. Горь столько рассказывал и так убеждал М. Оржа, что тот все же согласился отправиться с ним в край Тро Пиков. Возможно, он и не поддавался бы так скоро на уговоры, если бы как раз в тот момент к льдине не пристала лодка и из нее вышли три человека в меховых одеждах и с палками в руках. На полюсе все привыкли поглядывать вверх, не высовываясь ли на фоне неба какая-нибудь обледеневшая мысль; и вот М. Орж, глядевший поверх головы той вооруженной палками троицы, с ужасом прочел: «Сейчас мы начнем бить этих глупых животных палками по морде, прикончим штук сто и поделаем из них уму всяких сумочек и сапог». Едва увидев эти слова, выбиравшие и подтаивавшие в воздухе, М. Орж тотчас соскочил со своей льдины. У. Горь поплыл впереди, а М. Орж следом за ним, то выгибаясь колесом, то работая ластами.

Долго ли, коротко ли они плыли, но температура воды поднялась с миллиарда градусов ниже нуля до миллиарда градусов выше нуля. Мама родная, до чего стало жарко! М. Орж пока ни о чем не думал. Его мозг, привыкший за миллион лет не думать, был еще как бы парализован. Однако, продолжая плыть, он время от времени спрашивал У. Горь:

— У. Горь, любезный мой У. Горь, скажи, ты уже думаешь?

И ВСЕ-ТАКИ БЕЗ ИНТЕРВЬЮ НЕ ОБОШЛОСЬ

С Альберто Моравиа беседует
итальянский поэт-коммунист
Джузеппе Фьюмара

— Синьор Моравиа, как вы знаете, советский читатель хорошо знаком с вашим творчеством. Как, по-вашему, он должен относиться к факту появления на свет нового, непривычного и удивительного Моравиа, Моравиа-сказочника?

— Как он должен к этому относиться? Прежде всего не надо считать меня исключительно романистом, рассказчиком, драматургом, не надо загонять меня пожизненно в какие-то рамки. Я бы сказал, что я не романист и не рассказчик, а повествователь. А сказка — это превосходный вид повествования. Ее преимущество в том, что она дает схему, позволяющую выдавать нерешенные этические, философские и прочие вопросы за решенные. Чтобы сказка была действительно сказкой, а не просто вымыслом, нужны два элемента, казавшиеся бы, наивно исключают друг друга: необычность сюжета и наличие морали. Сказке нужна определенная экстравагантность, даже абсурдность — и в то же время она должна подчиняться законам художественной логики. Лю-

ди всегда тянутся к чему-то непривычному, новому, оригинальному, забавному — это в равной степени относится и к детям, и к взрослым.

Почему я сделал своими героями животных? Я люблю их. Однажды у меня было целых двенадцать кошек. В Африке я наблюдал за крокодилами, слышал легенды о верблюдах, подарившем свои рога оленю. Ну, и еще я изучал эволюцию животного мира, геологию, антропологию и другие науки. Мне было интересно находить свое, сказочное объяснение некоторым анатомическим и поведенческим особенностям животных. Например, нетопырь обычно висит вниз головой, значит, ясно, что и в мыслях у него все вверх ногами; у кита есть рудиментарные задние конечности, потому он и тоскует по суше, по которой когда-то ходил пещером, и так далее.

Работая над «Историями о временах доисторических», я вдохновлялся примером своих великих предшественников — Эзопа и Лафонтена. Хотя надо сказать, что животные Лафонтена мне не нравятся. Они слишком человекоподобны, чересчур преисполнены здравого смысла. Я не пытаюсь и здесь оставаться реалистом — в той мере, в какой это вообще возможно в сказке.

— Не трудно ли вам было уйти с головой в столь непривычную стихию? Или это для вас способ расслабиться, отдохнуть от бремени серьезной литературы?

— Пожалуй, это действительно была своего рода перемена положения, как если бы я вернулся на другой бок не своего литературного «ложе», попытка отдохнуть от чисто реалистической прозы. И попытка, по-видимому, удалась, потому что сейчас я подготавливаю к печати сборник новых рассказов и с увлечением пишу новый роман.

— И снова отправляетесь в путешествие...

— Да, действительно много путешествую, и знаете почему? Мне надо сидеть на одном месте. К счастью, я не нуждаюсь в любимом письменном столе, в привычной обстановке, в какой-то определенной комнате. Я могу писать где и на чем угодно, на любом колченогом столике. Вообще я заметил, что лучше всего мне пишется в гостиницах. И когда работа вдруг застопорится, ищешь вдохновение, надо отправиться в путешествие, и дело вновь пойдет на лад.